

простертый на Чермную пучину. Разумному духу любви чудеса давно мунувшихъ временъ. Онъ благоговѣетъ предъ Богомъ, въ десницѣ Котораго весь міръ—тоже, что въ рукахъ художника выработываемая цѣпь золотая. Міръ, какъ эта цѣпь, развивается, портится и поправляется; нѣтъ въ немъ неумолимаго рока; имъ править умъ верховный и благодать всемогущая.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ДЕНЬ ВЪ СУЭСѢ И НА ЧЕРМНОМЪ ПОМОРИИ.

7. Среда.

Агентъ нашего консульства, купецъ Коста Манѳли, пригласилъ меня и дружину мою къ обѣду. Мы явились къ нему пораньше, и послѣ расправы съ нашими проводниками, давшими бедуинское слово не тревожить насъ болѣе, пошли съ нимъ въ единственную христіанскую церковь въ Суэсѣ. Въ этотъ разъ я осмотрѣлъ ее внимательно и подробно. Престолъ въ ней освященъ во имя св. великомученика Георгія. Въ алтарѣ темно, а въ средину церкви на бѣломраморный помостъ свѣтъ падаетъ сквозь четыре окна, устроенныя въ острогребенчатой крышѣ, не подбитой потолкомъ. Алтарь, по тѣснотѣ мѣста, обращенъ не на востокъ. Замѣтивъ это, я сказалъ

Костѣ, что и на моей родинѣ, въ Костромѣ, древній Успенскій соборъ поставленъ алтаремъ не къ востоку, а къ сѣверу, потому что на этой сторонѣ явилась чудотворная икона Феодоровской Божіей Матери. Это сказаніе порадовало его. Мѣстные образа и другія священныя вещи въ церквѣ служатъ лѣтописью ея, потому что на нихъ есть надписи. Въ 1659 году Февраля 4-го дня, нѣкто *рабъ Божій Алексій*, вѣроятно, поклонникъ ходившій на Синай, *изволиемъ Господнимъ написалъ образъ Алексія человека Божія за душу отца своего Иоанна и матери своей Феодоры, и за свое здравіе и за отпущеніе грѣховъ*, какъ сіе видно изъ Славянской надписи на этомъ образѣ, и оставилъ его въ Суэсской церквѣ. Въ 1749 г. написана была мѣстная икона Спасителя, рукою Георгія Кефалонійца. Въ 1776 г. Синайскій іеромонахъ Феодосій приложилъ образъ Неопалимыя Купины. Въ 1791 г., нѣкто Георгій Парцали, написалъ мѣстный образъ Иоанна Предтечи. Въ томъ же году были пожертвованы иконы, св. Спиридона, св. Георгія, кисти Каллиника Критянина, св. Димитрія—кисти Георгія Парцали, и икона *Лоза истинная*, на которой Богочеловѣкъ изображенъ посреди въ кружкѣ, такъ что Его обстоятъ двѣнадцать апостоловъ, всѣ на ви-

ноградныхъ вѣтвяхъ; кисти Неофита Критянина. Въ 1796 г. обновлена икона св. Георгія и вся церковь иждивеніемъ Косты, отца нашего агента, и испрошено у начальства позволеніе погребать подлѣ нея мертвыя тѣла. Въ 1807 г. Александрійскій патриархъ Теофилъ освятилъ антиминосъ для нея. Въ 1815 г., нѣкто Загеръ, изъ православныхъ арабовъ, пожертвовалъ образа св. Георгія и Апостоловъ Петра и Павла. Въ 1821 г., по увѣренію агента, мѣстная икона Божіей Матери источала слезы въ страстную недѣлю. Я припомнилъ ему, что въ Пасху сего года былъ повѣшенъ турками Царградскій патриархъ Григорій; а онъ примолвилъ, что тогда Мусульмане рѣшились было умертвить всѣхъ христіанъ въ Суэсѣ, но Мегметъ Али—Паша воспретилъ имъ учинить такое злодѣйство, погрозивъ кровію за кровь. Въ 1831 г. мѣстный священникъ, о Илія, написалъ арабское евангеліе. Въ Суэсской церквѣ служитъ семейный пресвитеръ о. Антоній. Онъ благообразенъ, скроменъ и благодушенъ. Содержаніе даетъ ему патриархъ Александрійскій. Паству его составляютъ два семейства Маноли, и немногіе заѣзжіе торговцы Целасгова рода.

Изъ церкви мы прошли прямо въ домъ Ко-

сты. Онъ за сытнымъ обѣдомъ, приготовленнымъ по-европейски, рассказывалъ намъ кое-что любопытное. По словамъ его, въ Суэсѣ въ прошломъ и настоящемъ вѣкѣ до 1830 года находилось сто двадцать православныхъ христіанъ, которые занимались мореходствомъ между Джиддою, Моккою и Коссѣиромъ, но почти всѣ они въ помянутомъ году умерли отъ холеры; остальные же переселились въ Каиръ. «Грѣхи наши» — говорилъ Коста смиренно, — «отвратили отъ насъ великомученика и побѣдоносца Георгія, который видимо помогалъ благочестивымъ отцамъ и дѣдамъ нашимъ. Онъ, при нашествіи французовъ въ Египетъ, явился мусульманамъ въ старомъ Каирѣ и удержалъ ихъ отъ избіенія христіанъ. У иконы его, находящейся въ тамошнемъ монастырѣ, часто совершались исцѣленія болящихъ, и наипаче умалишенныхъ. Онъ укрѣплялъ одного Русскаго, плѣннаго воина въ неимовѣрныхъ страданіяхъ его за вѣру истинную.» — При этихъ словахъ любопытство мое воспламенилось; и я попросилъ словоохотнаго хозяина рассказать подробно подвиги сего воина. — «Около 1830 года» — продолжалъ Коста, — «въ Старокаирскомъ монастырѣ св. Георгія скончался этотъ исповѣдникъ вѣры православной

и праведникъ. Его обыкновенно звали, Ба́ша. Имя ли такое, или прозвище у него было, не знаю. Онъ былъ купленъ Мамелюками. Эти сорванцы принуждали его принять магометанство, и за несогласіе мучили его разными способами, били палками, надѣвали ему на голову раскаленный мѣдный котелъ и стискивали виски, такъ что изъ глазъ, носа и рта его текла кровь. Но не смотря на такіа мученія, онъ пребылъ непоколебимъ въ своей вѣрѣ. Наконецъ его выкупилъ у мучителей Коптскій христіанинъ, по имени Георгій Джохарисъ за 15,000 піастровъ (900 р. сер.), и отпустилъ его на волю. Стратотерпецъ пріютился во дворѣ Господнемъ — въ монастырѣ св. Георгія и былъ тамъ слугою. Всѣ Христіане отменно уважали его за твердое исповѣданіе вѣры и святость жизни. Больные просили его молитвъ, и онъ читалъ надъ ними по-русски молитву Господню, которую одну и зналъ наизусть. По вѣрѣ его, случалось, они получали облегченіе и исцѣленіе. Глава его хранится въ церквѣ монастырской. Она оживетъ въ день всеобщаго воскресенія мертвыхъ. Тогда стратотерпецъ Ба́ша получитъ отъ Господа полное воздаяніе вмѣстѣ съ великомученикомъ Георгіемъ, который недав-

но исцѣлилъ отъ помѣшательства въ умѣ здѣшнюю дѣвицу, такъ что она вышла замужъ, и понынѣ здравствуетъ и славить Бога, дивнаго во святыхъ своихъ.»

Послѣ обѣда достопочтенный Коста велѣлъ приготовить намъ парусную лодку для переправы на другую сторону Суэскаго залива къ источникамъ Аюнъ-Муса; и мы, отославъ туда всѣ свои вещи на верблюдахъ, отправились водою въ три часа по полудни. Съ нами поѣхали нѣкоторые изъ проводниковъ нашихъ. Непривычные къ морю, они трусили и не понимали, что дѣлается съ ихъ головами, которыя кружились и мутились. Насъ провожалъ сынъ Косты и на рыбьей дорогѣ говорилъ намъ, что Аббасъ паша строить новый пароходъ для путешествія матери его въ Мекку (мы видѣли это судно на берегу залива), что онъ послалъ туда тысячу рабочихъ людей и солдатъ прорѣзать одну гору, дабы чрезъ нее можно было проѣхать въ каретѣ, что у него есть страсть къ голубямъ и собакамъ и что горе тому, кто не усмотритъ за ними: недавно одному генералу онъ приказалъ отсчитать тридцать палочныхъ ударовъ за то, что пропалъ ошейникъ съ одной изъ тѣхъ собакъ, которыя были поручены

его присмотру.—Лодка наша остановилась весьма далеко отъ Аюнъ-Мусовскаго берега по причинѣ мелководья въ часы отлива. Тутъ колыхался чей-то челнъ пустой. Съ суши наблюдали его Негры. Когда мы приблизились къ нему; они выбѣжали съ палками, но узнавъ сына Косты, присмѣли, и только показали намъ свои бѣлые зубы, смѣясь. Лодочники перенесли меня и о. Теофана на рукахъ; а прочіе перешли въ бродъ по острымъ подводнымъ камнямъ.

Въ тѣни сада, разведеннаго при домѣ нашего агента, мы укрылись отъ палящихъ лучей вечерняго солнца. Тутъ я распрашивалъ молодаго Маноли о мѣстныхъ родникахъ и о слѣдахъ древняго водопровода отъ нихъ; и онъ повѣдалъ мнѣ вотъ что: «Въ Аюнъ-Мусовскомъ урочищѣ находится тридцать ключей, но многіе изъ нихъ засорены и подернуты пескомъ; нѣкоторые, поглубже, обдѣланы камнями и снабжены каналами, которые сообщались съ главнымъ водопроводомъ, направленнымъ къ морю. Есть слѣды этого водопровода. Предъ домомъ на дворѣ большой ёмъ, облицованный въ глуби тесаными камнями, наполняется водою тотчасъ послѣ того, какъ ее выпустятъ въ садъ. Эта вода полуслана, полупрѣ-

сна. Когда Коста велѣлъ почистить этотъ емъ; оказалась значительная прибыль влаги. Опасеніе, какъ бы она не исчезла при дальнѣйшей расчисткѣ, понудило оставить сіе предпріятіе.»

Эти замѣчанія хозяина привели меня къ заключенію, что здѣсь издревле находилась людская селитва, и что засоренный емъ у дома Косты долженъ быть древнѣйшій водометный колодезь, въ родѣ артезіанскаго. Память моя работала и представляла доказательства на то, что древнимъ жителямъ Африки извѣстно было искусство угадывать подземные потоки, буравить покрывающіе ихъ титанофорные черепы и выводить на поверхность земли бьющія ливни воды. Діодоръ, епископъ Тарса Киликійскаго, жившій въ концѣ четвертаго вѣка (390 г.), писалъ, что «во внутреннихъ Оиваидскихъ (т. е. Ливійскихъ) «оазисахъ хотя нѣтъ ни рѣкъ, ни проливныхъ «дождей, однако они напоются источниками, которые бьютъ изъ земли не сами собою и не «отъ притока дождевой воды, но посредствомъ «особеннаго, великаго искусства жителей. Близъ «оазисовъ нѣтъ горъ, изъ-подъ коихъ могли бы «проторгаться эти текущія и сладчайшія хляби. «Напротивъ, вся окрестная страна, ровная и не-

«измѣримая, весьма далеко отстоитъ отъ горъ, и «въ ней вовсе нѣтъ проточныхъ водъ. Лишь не- «много негодной и горькой влаги порой скопляет- «ся въ тамошнихъ котловинахъ, но и той недо- «статочно для обихода жителей; ибо вся она ис- «стощается къ концу лѣта.»—Олимпіодоръ, писа- тель пятаго вѣка, родившійся въ самомъ боль- шомъ изъ помянутыхъ оазисовъ, утверждалъ, что «на родинѣ его находятся буравленные ко- лодцы въ 200 и 500 аршинъ глубины, и изъ нихъ бьютъ прѣсная вода, напоющая окрестныя поля, выплываютъ рыбы живыя и выбрасываются мер- твья.» (*)

Эти свидѣтельства древнихъ писателей неда- вно подтвердились. Французъ Аюмъ, посланный въ оазисы въ нынѣшнемъ (1850) году Египет- скимъ Пашею для управленія ими, нашелъ тамъ много водометныхъ колодцовъ, въ 60 и 70 фу- товъ глубины, и когда вычистилъ одинъ изъ нихъ, вода хлынула изъ-подъ каменнаго черепа земли, нѣкогда просверленнаго желѣзомъ, и даже показалась рыба. Послѣ этого я увѣренъ, что въ Аюнь-Мусовскомъ урочищѣ находятся сверле- ные колодцы, и что если бы ихъ вычистили, то

(*) У патр. Фотія.

изъ нихъ ринулась бы прѣсная влага. Увѣренъ также, что и на другой сторонѣ Краснаго моря вода, льющаяся изъ вершины холма Зафаране, добыта посредствомъ буравленія подземельнаго черепа. Въ такой увѣренности почитаю неоспоримымъ мнѣнiе свое, выраженное въ описанiи перваго путешествiя моего на Синай, что названiе Аюнъ-Муса надобно переводить не *очи Моисеи*, а *очи водные*, и что оно означаетъ воду, добытую искусственно; ибо Египетское рѣченiе, Моисисъ, передѣланное по Арабски въ Муса, значитъ «получаю воду.» (*)

Въ концѣ осьмага часа прибыли наши верблюды съ вещами и съ Нильскою водою. Мы послали ея животы свои послѣ сланой, Суэской и Мусовской влаги, которой не улучшаетъ и влагаемый въ нее шафранъ, и расположились спать, кто въ домѣ кто за нимъ на пескѣ.

(*) *Μουσῆς*. *Μῶυ σημαίνει τὸ ὕδωρ Αἰγυπτιακὴ καὶ τὸ Σηε σημαίνει τὸ λαμβάνω κατ' Αἰγυπτίους*. — Glossa in Octateuchum e Codice Uossiano desumpta. Te Watev in Jablon. Opuscul. I. p. 157. 158. nota.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Путь отъ Аюнъ-Муса до Синайскаго монастыря.

8. Четвертокъ.

Я провелъ ночь весьма безпокойно. Боль въ лѣвомъ глазѣ и жаръ во всемъ тѣлѣ прерывали тонкій сонъ мой.

Было еще не свѣтло, когда мы пробудились и начали снаряжаться въ путь. Молодой Манолли приступилъ ко мнѣ съ просьбою, чтобы я при немъ же написалъ въ Константинополь объ оказанномъ мнѣ содѣйствiи отца его къ усмиренiю проводниковъ моихъ, и вручилъ бы ему письмо это. Такая просьба не столько удивила, сколько смутила меня. Напрасно я говорилъ ему, что буду писать по возвращенiи въ Иерусалимъ, дабы теперь признательность моя не показалась выпрошенною. Онъ настоялъ на своемъ; и я написалъ нѣсколько строкъ къ нашему генеральному консулу въ Александрію.